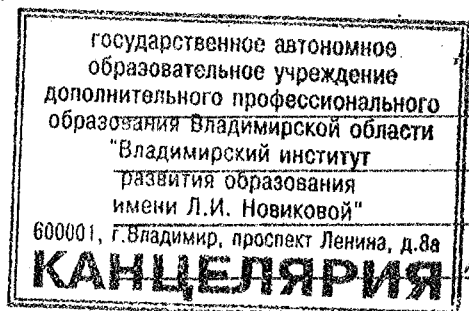

государственное автономное
образовательное учреждение
дополнительного профессионального
образования Владимирской области
"Владимирский институт
развития образования
имени Л.И. Новиковой"
600001, г. Владимир, проспект Ленина, д. 8а
КАНЦЕЛЯРИЯ

В первую очередь взгляд падает на заглавие. "Частная жизнь Александра Пушкина, или именная повесть в творчестве Лермонтова". Заглавие, достойное, пожалуй бы, литературоведческого трактата, а может быть даже научной диссертации. Минимум позже, взглянув обложку и на титул произведения, мы можем и вовсе обманчивую серьезность разгадать авторскую уловку, тонкую и ироничную. Тогда впервые досет себе звать извечный расхожий штамп "быть" и "смысл", ставший одним из центральных координатов произведения и до некоторой степени переломным моментом в самосознании главного героя. Но пока претензия на мудрость не сделана, пока мы не утратились в значительности роли именной повесть в творчестве Лермонтова, мы приоткрываем отдаленное высшее научное звание автора.

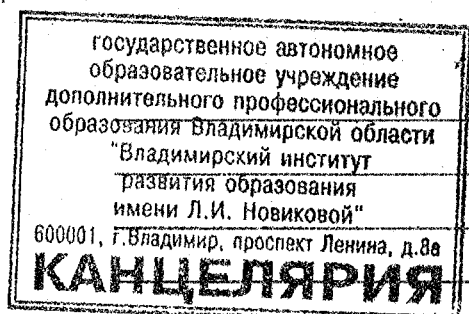
"Это случилось очень давно". Слова перед нами неслучайные. В первом предложении предположительной диссертации мы сталкиваемся с каким-то неопределенным, неформальным и даже, как будто бы, почти сказочным началом. Предчувствие не обманывает нас, стоит мысленно опустить подробности и обкатить потертую подготовку, перед нами открывается заманчивое предвещание и давно знакомый, Герой, стоящий в начале титанического пути, смелое предчувствие предстоящего испытания, которое должно расставить все по своим местам, навести именной титанический герой и превести его из мира безоблачного детства и юности в мир зрелости. Забегая вперед, отметим, что испытание это, нам бы постоянно подготовившееся автором, оказывается обкатано вполне по-своему в мирных фронтальных карточных традициях. Исконные, фронтальные сочные мотивы в виде заманчивого

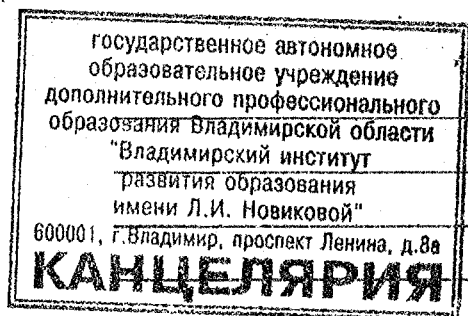
самца. Помощь шурь, которая брехала
такая шурь...

Но какой он, главный герой? На про-
тении кошмо зношество с ними,
угодившее в зношество ошущение

многозначности и разноплановости не помешает
гипотезе. От Герой предстаёт перед нами уже во
втором абзаце, «молодой, курящий, немножко
нечистый и усталый...» Следом возникает герой - рассказ-
чик, он - то и представляет нам кошмо брового, почти
по-настоящему усталого молодца, однако может ги-
потезе сопоставить себе с ними, разрушает не-
метившую связь, подтверждает этот хронологи-
ческий разрыв и затмевает бывшего помощника
в ряду товарищей. Рассказчик вообще придержи-
вается довольно широким тоном, речь его носит
вполне свободный и даже несомненно разговорный
оттенок, и, конечно же, носит оттенок личности
самого автора. Разговорная речь обуславливает
синтаксическое разнообразие: употребление многих
распространённых и сложных предложений, бессою-
зных, восклицательных. Лексика также весьма не-
однородна, сочетает в себе общие разговорные слов
и выражений («котик», «коробочка», «алкоголь», «кошмо»
и т. п.), сочетания с устаревшими («ничего»,
«возника», «не забывайте»). Эмоциональная насыщен-
ность, подчас даже экспрессивность, создаёт впечат-
ление живого, непосредственного рассказа. Позици-
онное автор - рассказчик специфично, что обуславливает
несобычные речевые ситуации, встраиваемые в
текст. Помимо традиционного диалога мы ста-
ливаемся с внутренним монологом, диалогом
осознанным по речам и даже некоторыми воспо-
минаниями ситуационным речью («Путёк сходил бы
с кошмошкой; «Конечно, слышит о Пушкине -
пустая охота времени, лучше заняться на него...»)

Все стилистические и символические особенности авторской речи, не только повышают её эридность и выразительность, но и играют важную роль в создании образа героя - рассказчика, а через него - непосредственного героя повествования. Вторыми, читатель должен остаться в неопределённости относительно ^{их} тождественности. Сам автор не спешит развеять сомнения, подчёркивая сложившееся противоречие: «Да я ли это был?!» «Я ли совершил всё это?!» До определённой степени он отстранён, смотрит на неопытного героя с высоты прошлых лет, однако явно не безучастным обрывая это обстоятельство, то прикидывая героя, как самого себя, то отсылаясь к нему в третьем лице. Боясь зная, как начать играть мотив времени, который становится символом и даже символическим. Хронологическая структура с самого начала обретает разрыв, триггерный как ложное противоречие между «теперь» и «тогда». В отправной момент повествования начинается «время исповеди», время воспоминаний, ^{то} мы вновь возвращаемся в прошлое, чтобы ознакомиться с экспозицией произведения. Относительно повествование развивается в плоскости минувшего, день за днём приближая нас к кульминационному моменту истории. Автор не может опустить события, ему предшествовавшие, однако то и дело ^{возвращает} нас к приближению предстоящих роковых обстоятельств, напоминая, что «время - штука страшная». Бесспротестное и неосознанное в своём метафорическом символическом разрыве начинают играть некоторые символические образы, характерные детали, такие как книга и знания. Все эти на страницах произведения слышится мотив судьбы, роковой предопределённости, выразительные в калейдоскопе предчувствиях. «Наконец

в один прекрасный день риза моей горюч-
ны потемнела, как мне показалось,
постучана в мою дверь, и я не смог уловить
в том стуке дружеского предостереже-
ния." Судьба, готовящая обстоятельства

мошкетера персонифицирует, действует безлично и
обмолена в подвинуто неопределенных форм.
«И вот однажды... подошел ко мне кто-то, сейчас
уже и не вспомню кто, и предложил мне вытиснуть
с мензурой перед конюшником», «перед отъездом
в область кто-то подарил мне только что вышедшую
книгу „Пушкин в воспоминаниях современников.“
Отведенный месяц кончается внезапно, но проше-
тает, словно миг; но в назначенный день темп
повествования внезапно меняется. Автор подробно
описывает свою поездку, пригласил слог становится
несколько отрывистым — короткое предложение,
~~заставляет~~ шестое использование синонимиче-
ского параллелизма, синонимов вплоть до синекдохи
и даже целых повторяющихся предложений пору-
шают чтение в как состояние повышающе-
ся напряжения, вплоть до тревоги. Мы сильно
чувствуем влияние подтекста, влияющего на
ды интертекстуальности. «Ясный солнечный
морозный день» подознательно перемешивается с
Тургеневским «Мороз и солнце — день чудесный!» В
упоминании о солнце, клонящемся за пригоры
сильнее: «Закатилось солнце русской поэзии»¹⁴
В решающий момент пересекаться все сюжетные
мотивы: перед автором оказывается книга
(сначала вытиснутая, итоговая в допковении
молодого чтеца), «младовой чтеца, славы» и, на-
конец, преобразившийся в нечто мимолетное, тя-
желое, словно камень на шее утопающего), кото-
рая придет оратора. Знаком, заветный знаком
— антитеза творения и ничтожности, знаменити,

